

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОЙ ОПЕРЫ

Как начинается путь молодой «звезды» в большой опере? Какие преграды встречаются на нем? К чему должен быть готов современный оперный певец, как выковывается его характер? Ответы на эти вопросы содержатся в статье, опубликованной журналом «Тайм», которая посвящена молодой американской певице Джун Андерсон. Перепечатываем ее с незначительными сокращениями.

У Джун Андерсон есть список желаний. Во-первых, она хотела бы солировать в прекрасной, подкупающей своей искренностью опере «Лючия ди Ламмермур». Это означает, быстро добавляет Джун, исполнение совершенно новой для нее партии, отличной от тех «пешеходных» героинь, которых она уже не раз играла. Во-вторых, Андерсон желает спеть партию Виолетты в «Травиате», но готова согласиться на это, только когда будет найден подходящий для нее режиссер. Правда, она признает, что не может представить себе такого режиссера. «Я готова подождать, — философски размышляет Андерсон. — Но, как знать, может быть, это случится, когда я буду уже слишком стара?». И третье желание Джун — появление на оперном горизонте великолепного молодого тенора. «Мои три тенора», — так Джун называет Лучано Паваротти, Пласидо Доминго и Альфредо Крауса, — до сих пор обладают безупречными голосами, но в свои 37 Андерсон по меньшей мере на 12 лет младше любого из них. И потому ее очень волнует вопрос, что она будет делать, когда эти мастера уйдут со сцены.

Кто она, Джун Андерсон, и почему у нее такие, скажем, грандиозные желания? Она — новая оперная дива на международной музыкальной сцене. Ее коронация состоялась прошлой осенью в «Метрополитен-опера», где Джун дебютировала в «гвозде» театрального сезона — опере «Риголетто», — исполнив партию Джильды. «О, она прекрасна, — почти поет Паваротти, ее партнер по «Риголетто». — У нее прекрасный слух, прекрасный голос, прекрасное чувство ритма! И такой рост!». Леонард Бернстайн, пригласивший Андерсон для новой записи своего мюзикла «Нандид», сравнивает ее с Дженни Таурел в «способности чувствовать вокальный цвет, драматическом использовании голосовой техники и бесконечном стремлении все время работать».

Похоже, в ближайшее время у Джун будет много работы. Представители «Ковент-Гардена» постоянно «висят» на телефоне, умоляя не отказываться от партии в «Сомнамбуле» из-за того, что по непредвиденным причинам пришлось отказаться от устраивавшего всех режиссера. Итальянский маэстро Рикардо Чейлли, кстати, удостоившийся чести быть включенным в ее очень короткий список «предпочитаемых» постановщиков, приглашает Джун спеть в «Турке в Италии» Россини. И хотя «Турок» — не совсем оперная постановка, Андерсон это не волнует. Главные партии в знаменитых операх предлагают исполнить в Чикаго (и, может быть, скоро случится первое желание Джун), в Сан-Франциско (в «Сомнамбуле») и, конечно же, в «Метрополитен-опера», в новом спектакле предстоящего сезона — «Семирамида».

Голос Джун Андерсон — лирическое сопрано с необычной колоратурой, способной на сверхъестественные переходы, тоны и созвучия; голос громкий, сочный, непохожий на большинство привычных нам голосов оперных певцов. Репертуар Андерсон состоит из ролей героинь, которые, как говорит она, «девушки грустные, безумные или мертвые». Сама же Джун — чрезвычайно жизнелюбивый человек, с характером

МНОГОЛИКАЯ ДЖУН

Сов. культура. — 1990. — 31 марта. — с. 14

и темпераментом под стать голосу. Критики видят в ней молодую Джоан Сазерленд, а любители оперы сравнивают ее с Марией Каллас. Как и Каллас, Андерсон умеет сдвинуть любое дело с мертвой точки.

В Европе она приобрела восхитительную «закулисную» репутацию высокими требованиями к постановщикам, усиленными репетициями и безоговорочными отказами от неудовлетворяющих ее спектаклей. «Очень редко она во всем соглашается с режиссерами и директорами, — говорит Николо Паренте, художественный директор театра «Сан-опера» в Неаполе, являющийся, несмотря на это, пылким поклонником таланта Андерсон. — Она фанатична, но очень часто права». А вот что говорит по этому поводу сама Джун: «Порой слышишь, что у певцов в голове камертон, а у обычных людей — мозги. Но у меня тоже есть мозги, и я способна принимать решения, основанные не только на нотах». Причиной многих ее отказов от исполнения той или иной партии послужили слишком жесткие ограничения со стороны постановщиков, вводивших ее в действие и командовавших, куда ей следует идти: влево, вправо или в глубь сцены. «Я не могу петь оперу сама по себе, — жалуется Андерсон. — Если что-то идет на сцене не так, то я очень переживаю из-за этого».

Говоря о театре, нельзя не упомянуть о костюмах, париках и прочих театральных атрибутах. У Андерсон пышная белая грива волос, и режиссеры всегда убеждают ее не пользоваться шпильками и заколками. Но она считает, что не сможет сыграть характер своей героини, хотя бы слегка не изменив внешности. В июле прошлого года на первом спектакле в новом парижском театре Опера Бастилии Андерсон была весьма разочарована платьем, сшитым специально для нее французским модельером Унгаро. Она начала бурно выражать это разочарование, и тут на помощь растерявшемуся модельеру пришел «приятной наружности человек, вставший на колени перед дивой и начавший умолять ее принять дар». Кто это был? Это был Пьер Берже, мультимиллионер, деловой партнер Ив Сен Лорана, царь искусств Франции.

Сегодняшний феномен Джун Андерсон есть плод долголетней тяжелой работы — что не является исключением в среде великих артистов. Андерсон выросла в Уоллингфорде (штат Коннектикут), посещая уроки пения и танцев. В 17 лет она стала финалистой конкурса молодых певиц в «Метрополитен-опера». Вообще же она терпеть не может процесс соревнования. «Я хочу победить, но не могу для этого пойти по чужим головам. Ненавижу соревновательность». Вместо новых попыток попасть на большую сцену Джун поехала учиться в Йельский университет и в 1974 году закончила его по курсу французской литературы. Затем она дала себе два года на то, чтобы стать знаменитой, и всю себя посвятила достижению этой цели.

Часто после посещения некоторых репетиций своих коллег она всерьез задумывалась о прекращении оперной карьеры. «В конце концов я обладаю достаточно сильной голосовой техникой и могу заняться декламацией. Меня беспокоит не только покорение очередной высокой ноты, — говорит она. — Я полна идей, но мне нужен союзник. В моей жизни были периоды, когда я жалела, что голос — не музыкальный инструмент вроде скрипки. Ведь тогда можно было бы положить его в футляр и запереть в какой-нибудь комнате».

Но сегодня период душевных терзаний закончен. Пришло время радоваться всем этим грустным и безумным девицам в исполнении Андерсон. И как обещает прима: «Я только начинаю свое восхождение».